

торе светском, имеющем навык в художественной литературе.⁵¹ Со своим героем он знакомит читателя такими словами: «Некто был победоносец, беды и напасти многие на него приходили, и пожары, и поклелы всякие, зовомый именем Василий, странник, родом плесенин, житием казанец бых, прозвищем Гагара». Это известный прием введения героя в повестях XVII—XVIII столетий; например, в «Повести о Савве Грудцыне»: «... бысть во граде Велице Устюзе некто муж славен и богат зело, именем Фома Грудцын...»; в «Истории о Александре, российском дворянине»: «В России, в столичном граде Москве, был знатен дворянин, именем Димитрий...».⁵²

Гагара «от юности своея житие свое блудно и скверно препроводил, аки свиния в кале греховне пребых; блуд творяще беспрестанно, не имея бо ни среды, ни пятка, ни торжественного божия праздника; многожде впадале в блуд и бываше с мужеским полом и с женским, с русским же и бусурманским, и скоты многими прегреших блудом». Так он прожил «до древности живота своего». Затем Гагару начинают постигать «многие скорби и печали, и беды, и напасти», и он «обещахся в печали своей во Иерусалим ити помолитися и у господня гроба приложитися, и в Иердане искупатися, и многим патриархом о гресех своих блудных и скверных покаяться, и потом от них приняти благословение». Как видим, автор переработки использовал стихи из былины о Василии Буслаеве.⁵³

Когда Гагара был в Иерусалиме, он лишился сил, не мог стоять и не владел руками. «Греческие же попы и мнихи, на мя, многогрешного раба, зря, восплакашася, что ни над кем такова божия послания не бывало». Гагара начал каяться, слезно рыдать и был исцелен благодаря молитве и покаянию.

Это религиозная сторона путешествия Гагары. Другая сторона его в том, что он как казанский купец, ведущий торговлю с восточными странами по Волге, отправился знакомым ему торговым путем, через Кавказ, не один и с большой суммой денег. В Иерусалиме, бывшем целью покаянного хождения Гагары, он прожил трое суток и направился в Египет, где оставался три месяца, так как не Иерусалим, а египетские города были притягательными торговыми центрами.

Как человек торговый Гагара подробно говорит о культуре сахарного тростника и выделке из него сахара «головного» и «леденца», замечая, что «нет таких людей затейливых, что аравляне: ко всяким составом мышленны»; описывает египетские инкубаторы, в которых сразу закладывается до шести тысяч яиц; интересуется политическими отношениями турецкого султана, крымского хана и волошского господаря.

⁵¹ В. П. Адрианова-Перетц, исследуя списки «Хождения» Гагары (ГПБ, собр. Буслаева, Q.XVII, № 211; БАН, 45.10.9), приходит к выводу, что «Хождение» подвергалось «неоднократной переделке» и что в основе его могут быть предположены записи устных сообщений о путешествии Гагары. «Во всяком случае, — заключает В. П. Адрианова-Перетц, — он ... отходит от группы оригинальных паломников-писателей, примыкая к многочисленным в древней литературе авторам-компиляторам». См.: В. П. Адрианова-Перетц. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары. Сборник Российской Публичной библиотеки. Изд. Брокгауза—Ефрона, Пгр., 1924, стр. 247.

⁵² Русские повести XVII—XVIII вв. Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1905, стр. 22, 129.

⁵³ Ср.:

Ийти мне, Василию, в Ерусалим-град.

Со всею дружиною хораброю,

Мне-ко господу помолитися,

Святой святыне приложитися,

Во Ердане-реке искупатися.

(Кирша Данилов Древние российские стихотворения, М., 1818, № 18)